

НОВЫЕ МЕТОДИКИ И ТЕХНОЛОГИИ

В.М. Розин

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНОСТИ

***Аннотация.** В статье анализируется экспертный аналитический доклад Центра стратегических исследований Сибирского федерального университета «Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд», составители которого прогнозируют вторую волну Просвещения, заключающуюся в переходе от «педагогике знания» к «педагогике исследования и проектирования», а также к педагогике деятельности. Автор рассматривает аргументы составителей доклада и показывает, что в силу неопределенности даже ближайшего будущего и трансформации социальности, выводы доклада выглядят очень сомнительными. Вместо прогнозирования предлагается методологическое осмысление современной цивилизационной ситуации и образования в её контексте. В рамках такого осмысления автор анализирует современные социальные мегатенденции, характерный для модернити ведущий тип социальности, путь и социальность России, наконец, обусловленные всеми этими трендами требования к образованию и педагогике.*

***Ключевые слова:** педагогика, социальность, программы, идеалы, содержание, кризис, прогноз, эгоизм, идентичность, неопределенность.*

Центр стратегических исследований Сибирского федерального университета опубликовал результаты интересного аналитического доклада «Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд». Хотя авторы и эксперты этого доклада, среди которых есть известные философы и педагоги, подчеркивают, что будущее в отношении развития высшей школы в достаточной степени неопределенно, они, тем не менее, используя методы форсайт-исследования, характеризуют это будущее и прорисовывают в нескольких сценариях траекторию развития школы в России. При этом авторы убеждены, во-первых, в возможности прогноза будущего и развития высшей школы, во-вторых, высказывают предположение, что намечается вторая волна Просвещения, заключающаяся в переходе от «педагогике знания» к «педагогике исследования и проектирования», а также к педагогике деятельности¹.

Не могу согласиться ни с первым, ни со вторым. А по поводу деятельности отдельные соображения. Сами авторы неоднократно подчеркивают трудность прогнозирования в условиях неопределенности будущего и перехода к новому социальному порядку (ниже я еще больше подчеркну и усилю указанную тенденцию). И это затруднение, действительно, подводит их, делая составленный прогноз весьма уязвимым. Что значит, складывается «общество знания»? Разве знания, как авторы пишут, не стали «простыми, дешевыми и доступными», и разве Интернет и СМИ не заполнены знаниями? Вряд ли в настоящее время проблема в недостатке знаний? Проблема, точнее проблемы, совершенно в другом: как знания использовать в качестве средств, какие средства кроме знаний мы используем (схемы, модели, проекты, дискурсы и прочее), каким образом разные средства создаются и употребляются и много других проблем, не связанных напрямую с миром знаний. Авторы говорят о современности как времени с высокой общественной и личной значимостью познания и

¹ Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030. Аналитический доклад. Центр стратегических исследований и разработок Сибирского федерального университета. Красноярск, 2012. С. 72.

образования². Вряд ли это так. Вот вторая половина XVIII — первая половина XX столетия, действительно, похоже. А в нашем столетии, наоборот, значение науки и образования снижается.

Что значит «когнитивное общество», неужели большинство населения будет заниматься познанием и исследованиями? Звучит неправдоподобно. Но тогда, может быть, это культура будущего, где возобладают «когнитивные науки». Если так, то судьба науки печальна, поскольку больше противоречий, чем в когнитивном дискурсе трудно себе представить.

Вообще, на мой взгляд, давно стоит развенчать мифы «общества знания» и «когнитивного общества». Эти конструкции оказались очень удобными в плане обоснования необходимости выделения финансовых средств на проведение очень-очень современных и перспективных исследований³, но для подлинной науки оборачиваются настоящими мифами и проблемами.

Наконец, почему в перспективе будет преобладать «исследовательская и проектная компетентность»? Разве наука и проектирование — главные сферы ближайшего будущего? Не думаю, напротив, все говорит за то (и авторы своими конкретными анализами опровергают собственную гипотезу⁴), что в ближайшем будущем более важны будут гуманитарная компетентность, этическая, методологическая, социальная и возможно, какие-то другие, но не исследовательская и проектная. Даже в указанных двух сферах (исследовании и проектировании) на первый план постепенно выдвигаются проблемы отслеживания и минимизации негативных последствий, а не просто разворачивание исследований и проектирования⁵. Теперь относительно деятельности и деятельности педагогической.

Как понимать деятельность. В обыденном плане, и, кажется, авторы часто именно такое употребление подразумевают, или теоретически. В последнем случае существуют, по меньшей мере, две разные трактовки деятельности — психо-

логическая (например, трактовка, характерная для школы А.Н. Леонтьева) и методологическая, развиваемая Г.П. Щедровицким и Московским методологическим кружком (Аббревиатура ММК). Если речь идет об обыденном понимании, то в этом случае деятельностная педагогика — пустой звук; каждый (в том числе и эксперты доклада) вкладывает в это понимание свой смысл. Если о теоретическом, то, несмотря на существенные различия трактовок деятельности, оба указанных направления шли от марксизма с его установками на реформы, социально-инженерное действие, понимание личности и общества, как обусловленных социальными отношениями и формируемые. Все эти установки в настоящее время подвергаются критике и усомнению.

Одно из центральных в методологическом отношении мест доклада — характеристика *мировой и образовательной* (в том числе и российской) *ситуации*. И понятно почему: в зависимости от того, как нарисована и осмыслена ситуация, будет строиться социальное действие, направленное на её изменение⁶. Авторы описывают несколько основных трендов, задающих особенность указанной ситуации: **переход мирового сообщества к постиндустриальному этапу развития, исчерпанность идеалов и проекта «Просвещения» с его установкой на человека «знающего», появление областей и сфер деятельности конкурирующих с образованием, перехватывающих его функции, реформы в России, создавшие неблагоприятные условия для развития производства и образования, характер российской власти, способствующий таким явлениям как коррупция, имитация и фальсификация деятельности** (в том числе образовательной) и пр. Выход из этой ситуации авторы видят в правильном *самоопределении*, которое сводится к трем вещам: **нахождении своего места в мировом разделении труда и образовании, преодолении фальсификации и имитации образования, в создании «коалиции развития»**, т.е. консолидированного (общество плюс государство) субъекта реформирования⁷.

² И одновременно, противореча себе, показывают, что значение образования падает (там же. С. 11).

³ Как бы сказал российский чиновник эти конструкции — хорошая дымовая завеса, за которой перенаправляют финансовые потоки и пиллят бюджет.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Багдасарьян Н.Г. Высшая школа в пространстве культуры (социология и философия проблемы). М.: изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1996. С. 49-50.

⁶ Интересно проанализировать, как соотносятся между собой прогнозирование и анализ ситуации.

⁷ Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форум-исследование — 2030. Аналитический доклад. Центр стратегических исследований и разработок Сибирского федерального университета. Красноярск, 2012. С. 24, 21-22.

На первый взгляд, кажется, все правильно, и под многими положениями я бы сам мог подписаться. Однако все-таки есть сомнения. Авторы молчаливо предполагают, что указанные ими тренды изменения экономики, образования и самоопределения единственные и что наша страна должна развиваться в русле этих трендов. Тем самым оправдывается и сделанный прогноз и предложения по реформированию школы.

Можно, конечно, понять ситуацию так, как её представили авторы сибирского доклада. Но можно и иначе, а именно, что наши властные элиты выбрали определенный путь развития страны. Российские элиты, имея определенное мироощущение, по сути, воспроизводящее мироощущение советской элиты (партии большевиков, политбюро, КГБ), будучи предельно эгоистическими (в новом понимании, позволяющим присваивать народную собственность и распределять в свою пользу бюджет государства), способствовали тому, что российская экономика и хозяйство стали специализироваться на добыче сырья (нефть, газ, лес, металл), многие отрасли промышленности были свернуты, товары народного потребления импортируются из за рубежа, распределение средств, льгот и благ происходит в пользу властных элит.

Но что автор понимает под эгоизмом? Не просто себя-любие или эгоцентричность по Пиаже, и то и другое для человека, вероятно действительно, было характерным всегда, начиная с античной культуры. Речь идет о другом. О тех периодах в истории нашей цивилизации, когда перестают работать традиционные представления о реальности и привычные социальные нормы поведения, и человек вынужден заново во всем этом устанавливаться⁸. При этом, как правило, он во

⁸ Можно указать на две основные причины выхода на свет нового эгоизма – процессы перехода и связанный с ними кризис реальности, а также изобретение новых технологий. Современная социальность постоянно испытывает человека на прочность: расщепляет, лишает нравственности, ставит в ситуации, где он не может продолжать жить. Но, вероятно, таковы все переходные времена. Не менее разрушительны по своим эгоистическим последствиям технологические новшества. Многие экономисты утверждают, что современный кризис – это очередной кризис перепроизводства. Но так ли это? Ведь уже почти два десятилетия аналитики отмечали, что новые технологии способствуют наращиванию негативных последствий. Говорят о неожиданности современного кризиса, употребляют даже такую метафору «мыльные пузыри», возникшие непонятно как, сами собой. Но разве, сами собой, естественно? Разве кризису не предшествовали вполне ясные и, казалось бы, научно обоснованные шаги:

многим начинается опираться на самого себя, т.е. действует эгоистически, что и приводит к «войне всех против всех», к разного рода социальным конфликтам, вплоть до смертоубийств. Для России эта ситуация особенно драматична, поскольку, с одной стороны, были разрушены социалистические представления и ценности, а с другой — нам вменяют западные капиталистические и либерально-демократические картины мира и представления, которые сами переживают глубокий кризис.

Для современного эгоизма характерно то, что его представители уверены, что они самые обычные люди, не эгоисты, а часто даже альтруисты, работающие на общее благо. Сотрудники международных корпораций, эксплуатирующих местное население, не сомневаются, что их корпорации, конечно, же для этого населения благо, поскольку дают работу и несут цивилизацию. Российские власти, попирающие права своих граждан и берущие взятки, считают, что только так и можно управлять нашим темным населением и жадным бизнесом, что все это на пользу обществу. Как никогда прежде, относительно современности справедлива формула, что дорога в ад вымощена благими намерениями.

В качестве примера возьмем среднего чиновника гуманитарной организации (одинаково — наша префектура или служба ООН). Такой чиновник, с одной стороны, должен поддерживать свой институциональный статус, изображая эффективную работу (поскольку именно его место приносит доход), с другой — он изобретает *схемы*, позволяющие так трансформировать свой статус и место, чтобы они давали доход (так называемая, «административная рента»). Примерами таких схем являются откаты, расширение контролируемых функций,

либерализация экономики, определенная налоговая политика, новые формы кредитования, кредитование рисков, перемещение проблем в другие области вместо их разрешения и другие социально-экономические действия, которые породили монблан виртуальных денег, нарушили экономический баланс, подорвали доверие потребителя к финансовым и другим экономическим институтам. Спрашивается, что же не учли социальные теоретики? Много чего. Например, не были продуманы негативные последствия введения новых управленческих технологий и финансовых инструментов, не учли изобретательности граждан, постоянно придумывающих *схемы*, позволяющие жить не по средствам, не учитывалась роль критики существующей экономической системы, а также изменение сознания потребителей, вплоть до обвальных процессов почти мгновенного распространения недоверия.

откладывание под разными предлогами принятия решений и другие. С.Б. Мирзоев показывает, что дело чаще всего идет не об отдельных случаях получения незаконного вознаграждения за работу, положенную чиновнику по закону, а о настоящем «рентостроительстве», когда, чтобы получать из своего места постоянный, а лучше, всё увеличивающийся доход, чиновник лоббирует принятие нужных законов или инструкций, подбирает на нужные должности «своих», устанавливает правила и регламенты, работающие именно на извлечение ренты⁹.

Нетрудно сообразить, что идентичность подобного субъекта — двулика. С одной стороны, поскольку чиновник считает себя лицом, работающим на благо общества, выступающим на стороне справедливости и закона, он будет ориентироваться, образно говоря, на гуманитарные образцы, начиная от Христа, заканчивая Альбертом Швейцером. С другой — такой чиновник будет оправдывать участие в рентостроительстве ссылками на «Кесарю кесарево, а Богу богово», «зловредной природой клиента», обстоятельствами и прочее. То есть, он всегда выстроит такой образ клиента и обстоятельств, которые позволяют ему сохранить по поводу себя благоприятное истолкование и видение. Осознает ли чиновник, что его дискурс, как говорит М. Фуко, работает на прикрытие и сокрытие подлинного положения дел, свидетельствующего об эгоизме чиновника? Ну, возможно, иногда, на заднем плане сознания он чувствует, что что-то не так, однако, в целом каждый раз будет возобновлять свой дискурс, убеждаясь в своей правоте.

Владимир Боглаев генеральный директор ОАО «Череповецкого литейно-механического завода обвиняет российские элиты не просто в эгоизме, а даже в предательстве. «Все чаще, — пишет он, — мы становимся свидетелями того, что в этой борьбе национальные элиты готовы поступаться национальными интересами, отстаивая свое право перехода в разряд наднациональной или мировой элиты, не имеющей Родины. После прохождения теста на отсутствие лишних сантиментов и моральных ограничений, именно наднациональная элита начинает задавать вектор развития всей цивилизации»¹⁰.

⁹ Из доклада С.Б. Мирзоева «Институциональная коррупция» февраль 2011. <http://www.fondgp.ru/lib/seminars/2010-2011/institut/6>.

¹⁰ Владимир Боглаев: Россия обязана отстаивать свое право на производство и развитие <http://www.chlmz.ru/modules/news/article.php?storyid=65>.

Стоит отметить и такое противоречие. С одной стороны, сегодня многие управленцы указывают на то, что наше производство низведено до самого низкого уровня, почти уничтожено в угоду Западу, что срочно необходима программа возрождения наших предприятий, с другой — соглашаются, что это неизбежный процесс, обусловленный глобализацией и другими современными социальными реалиями. Это противоречие вполне реально, и его стоит обсудить.

Россия в точке бифуркации

Начать можно с осмысления места России в мировой социально-экономической и хозяйственной системе. Можно согласиться с тем, что Россию вовлекли в процессы глобализации. В этом отношении наша судьба вроде бы неотделима от западной культуры и западных (в том числе американских) идеалов потребления, и поэтому кажется, что у нас нет другого пути. На Западе наша страна считается сырьевым придатком и не очень значимой, но достаточно обширной областью потребления для западного производства. Не секрет, что транснациональные корпорации, фирмы и поддерживающие их западные правительства рассматривают нас как конкурентов и поэтому заинтересованы в том, чтобы наше собственное производство постоянно сворачивалось. Они покупают российский власти, скупают через посредников наши предприятия, часто чтобы просто закрыть их, лоббируют импорт в Россию западных товаров и зависимых от запада обычных и социальных технологий, например, стандарты управления.

Означает ли сказанное, что Россию удалось полностью ассимилировать в западный мир, и она как социальный организм потеряла свою автономию? Вероятно, нет, пока Россия сохраняет свои традиции, меняется по собственным законам, с большим напряжением, но поддерживает свою культуру. Россия только отчасти похожа на типичную латиноамериканскую страну, у нас много образованного населения, богатая, хотя и драматичная история, оригинальная культура. Такая культура может быть сильно ослаблена (к сожалению, этому немало способствуют и собственные российские элиты), но не может быть уничтожена.

Мы пока еще находимся в точке бифуркации. От наших с вами усилий зависит, в каком направлении дальше Россия будет развиваться.

Специалисты не могут бездумно ассимилировать западные технологии и потому, что это грозит России потерей своей самобытности и суверенности, но и потому, что Запад переживает не менее глубокий кризис.

Ряд современных исследований показывают, что не только процессы глобализации, но и предыдущие, например, проект «Просвещение», имеют общий источник, а именно становление либеральной доктрины и институтов (рынок, право и др.), естествознания как их когнитивной основы и инженерии как материального воплощения и подтверждения либерального мировоззрения¹¹.

Но почти с самого начала либерализм, точнее его принципы использовались в двух разных контекстах, для решения практически противоположных задач. С одной стороны, в ситуациях, действительно, требующих решений либерального толка, т.е. задающих пространство сосуществования разных социальных и ценностных стратегий. С другой стороны, принципы либерализма, особенно начиная с прошлого века, использовались для прикрытия и продвижения прямо противоположных нелиберальных способов деятельности: разветвления коррупции, использования институциональных структур не по назначению, создания технологий, позволяющих преодолевать равные условия и прочее.

Оказалось, что именно либерализм служит прекрасным инструментом для становления нового, более махрового эгоизма. В либеральном облачении он выглядел не как эгоизм, а наоборот, как современный гуманизм и альтруизм, хотя, по сути, это был дикий волк в овечьей шкуре. Отчасти, понятно, почему стали возможны такие превращения. Уже на заре либерализма-капитализма для него были характерны двойные стандарты (для своих граждан равенство и свобода, но не для тех, кого эксплуатировали); кроме того, характерные для второй половины XIX и XX столетий экспансия либерализма за пределами своей «родины» (Англии, Франции, Германии, США) и изобретение новых технологий позволяли преодолевать «невидимые руки» рынка и других либеральных институтов¹².

¹¹ Беляев В.А. Философия управления между теорией менеджмента и философией культуры. М., 2012. С. 83-84.

¹² Сравни: «Реальность существования буржуазных обществ, – пишет Беляев, – или как их еще можно называть либеральных обществ основывается не только на принципах либерализма, но и на принципах, которые в той или иной

Современный либерализм — предельно противоречивое явление. Начиная с прошлого века либерально-демократические институты стали использоваться не только для поддержания рынка, но и для совершенно других целей: незаконного извлечения доходов, лоббирования, захвата рынков сбыта, подчинения своему влиянию нужных социальных субъектов и производств и пр. Предательство национальных элит, перерождение функций общественных организаций, рентостроительство — только отдельные примеры следствий из указанных трансформаций. Современный эгоизм весьма не похож на традиционный¹³: это не прямая эксплуатация своего ближнего, а использование в своих целях социальных структур, к тому же часто понимаемое как служение общественному благу.

Поэтому неудивительно, что в настоящее время либерально-демократические институты

степени противоречат либеральным <...> Развитые буржуазные страны, распространяя свое влияние на весь мир, трансформируют элиты колониальных стран, отчасти массовое сознание этих стран, создавая у них стремление к буржуазным ценностям, сохраняют, тем не менее, свое положение развитого центра. Это логично. Это нелиберально, но это выгодно <...> Процесс глобализации в целом оказывается не прямым следствием либеральной стратегии. Идеалы либерализма часто используются для прикрытия простых корыстных интересов индивидов, групп, государств. Глобализация несет мир с увеличивающейся скоростью в некое «что-то» и «куда-то» <...> Если иметь в виду, что глобализация только отчасти сопровождается либерализацией (а, возможно, вообще находится по ту сторону логики либерализации), то возникает апокалипсическая тревога» (цит. соч. С. 89, 90)

¹³ В свое время (речь идет о становлении новоевропейской цивилизации, начиная с XVI столетия) в Европе процветал эгоизм сразу в нескольких областях. «Конфессиональный эгоизм» породил религиозные войны, «властный эгоизм» – абсолютизм королевской власти и деспотию, «стяжательский» – богатство одних и бедность других, «персональный», как ничем не ограниченные свобода и желания личности – эгоистическое поведение, «когнитивный эгоизм» – желание вырвать у природы её тайны (эксперимент как пытка природы, чтобы она приоткрыла свои подлинные законы). Европейская культура возникает именно в связи с преодолением этих эгоизмов. Религиозные войны разрешились принятием принципа свободы вероисповедания. Абсолютизму и деспотии власти были противопоставлены парламент, естественное право и гражданское общество. Рыночные баталии были введены в русло экономических законов. Персональный эгоизм обуздан моралью, нравственностью и правом. Когнитивный эгоизм был удовлетворен в рамках естествознания и инженерии. В Европе сложилось то, что мы называем капитализмом и либерально-демократическим обществом.

и неконтролируемый рынок подвергаются серьезной критике. Вероятно, эпоха этих ценностей и институтов завершается. Надежда Канта на механизм «невидимой руки» рынка и природы не привела к гармонии взаимоотношения людей и государств и вечному миру. Напротив, мы видим, что рынок и либеральные институты в XX столетии не помешали (а возможно, способствовали) эксплуатации «своих ближних», двум мировым войнам, множеству локальных войн, современному экономическому кризису и тому состоянию социума, в котором острым проблемам не видно конца. Кроме того, как известно, на арену истории вышли новые мощные «игроки» (один Китай чего стоит), которые кардинально меняют всю геополитическую панораму.

Если мы в период холодной войны не отставали сильно от Запада, то почему, спрашивается, мы в настоящее время не можем быстро освоить и присвоить западные технологии? Чего у нас нет того, что есть на западе?

Во-первых, в социальном и хозяйственно-экономическом планах мы проиграли соревнование с Западом. Во-вторых, не сумели в период перестройки и реформ найти собственный путь развития, приняв западные условия хозяйственной жизни и социального соревнования¹⁴. В-третьих, у нас не сложились либерально-демократические институты (полноценный рынок, право, независимый суд, гарантированная реально действующими законами и судом частная собственность, парламент и прочие институты).

Академик РАН В.С. Степин в связи с последним пишет: «В России никогда народ не чувствовал себя и не признавал себя живущим в едином для всех правовом поле, и, конечно же, не верил в правовое государство <...> Реформы 90-х годов, осуществляемые в постсоветской России, к сожалению, пока не привели к правовому обществу <...> В обстановке ослабления государства и в расширяющихся масштабах укреплялась практика нарушения законов

и нигилистического отношения к праву. И здесь воспроизводились и укреплялись худшие черты российской традиции, когда писанные законы не воспринимаются как норма, призванная регулировать жизнь, потому что все знают, что закон можно обойти, надо искать лазейки и сделать так, чтобы он был выгоден для корпоративных интересов <...> законы толкуются как угодно, потом издаются подзаконные акты, которые по существу нарушают законы, и можно привлечь человека к судебной ответственности произвольно, вменяя ему нарушение какого-либо из противоречащих друг другу подзаконных актов»¹⁵.

Наблюдается даже своеобразный парадокс — право в современной России формируется в контексте неправовых практик. За годы реформ, пишут Т.И. Заславская и М.А. Шабанова, этот контекст настолько расширился, что для большинства стал более реальным, чем само право. По данным этих авторов, 42% респондентов указали, что «в современных условиях их законные права нарушаются чаще, чем до реформ. Особо неблагоприятно и важно для осмысления сути современного трансформационного процесса России то, что основными субъектами, нарушающими права граждан, являются власти разных уровней (их назвали 89% респондентов) <...> Многие исследователи выражают тревогу по поводу глубокого разрыва между административно-правовой и социокультурной составляющими российских институтов. Отмечается, что новые законы и нормы нередко остаются на бумаге, реальные же практики развиваются так, как если бы этих норм не было»¹⁶. О каком уж тут говорить доверии россиян друг к другу, власти и граждан, субъектов рыночных отношений?

Зато в России расцветают всевозможные формы социальных институтов и структур, которые, прикрываясь либеральными принципами и построениями, с одной стороны, позволяют обогащаться тонкому слою россиян (власть, чиновники, богатые люди), с другой — ставят наше хозяйство на службу западной экономики, с третьей — прививают нашим гражданам новые формы эгоизма, как будто в России в этой области недостаточно своих печальных традиций.

Можно предположить, что в настоящее время в России вряд ли возможно вообще построить

¹⁴ «СССР, — пишет Беляев, — сам, неизбежно включаясь в гонку вооружений и технико-технологическое соперничество с Западом, выращивал внутри себя ростки либеральности и буржуазности. Кроме того, он включался в мировое капиталистическое разделение труда. После нефтяного кризиса 70-х СССР сделал ставку на свои нефтяные ресурсы и фактически стал принимать на себя логику страны-сырьевого придатка. Распад СССР сделал этот процесс более явным. В постсоветской России можно сказать взойшли всходы либерализма и буржуазности, неявно посеянные еще в советские годы» (цит. соч. С. 101).

¹⁵ Степин В.С. Государство и право. 2002. № 1. С. 28.

¹⁶ Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 6-7.

либерально-демократические институты и общество, похожие на западные, и потому, что для этого не созрели условия, и потому, что либерализм в своей основе противоречив, но также и потому, что, возможно, в России сложатся какие-то другие социальные институты и организмы, отличные от западных.

Ради справедливости, стоит отметить, что рентостроительство, о котором здесь шла речь, правда, в форме поддержания своих институтов и расширения их полномочий, а не прямой коррупции, характерно сегодня и для многих западных институтов, особенно для чиновников и бюрократии ООН и многих гуманитарных международных организаций. Они, исходя вроде бы из самых гуманных намерений, а на самом деле, осуществляя рентостроительство, кормят миллионы неработающих, оправдывают террористов и прочее¹⁷.

Развитие по западному либерально-демократическому сценарию, где России отведено незавидное место, вовсе не единственно возможное. Наоборот, можно предположить, что «колесо истории» поворачивается, открывая новые возможности для развития и социальной жизни. Важно их не упустить.

Ценностные ориентации и установки реформирования

Но авторы доклада Сибирского федерального университета видят ситуацию совершенно иначе. Они считают, что есть столбовая дорога развития

¹⁷ Скажем, может ли Палестинская автономия прожить без гуманитарной помощи? Нет и нет. Но эта помощь позволяет миллионам арабов уже много лет жить и размножаться, не работая. Причем в такой помощи заинтересованы не только палестинцы, но и сами международные гуманитарные организации, сотрудники которых неплохо зарабатывают. Понимают они это или нет, но объективно чиновники гуманитарных организаций, число которых постоянно растет, способствуют злу. Однако на пособия живут, не работая, не только многочисленные беженцы, осевшие на чужих территориях в результате войн. Известно, что пособия составляют значительную долю бюджета и безработных, которых, возможно, в мире даже больше беженцев. Теперь правозащитники. Они бросаются защищать всех, кто, с их точки зрения, подвергается преследованию государства или насилию со стороны более сильного (как, например, арабы со стороны Израиля). При этом часто правозащитники защищают настоящих преступников, а последние этим пользуются, выдавая себя за жертвы. Оба эти случая – примеры нового эгоизма, в разных обликах широко распространяющегося в современном мире.

цивилизации и Россия должна выйти на неё. Не важно, что эта дорога предполагает деградацию и разрушение сложившейся российской системы хозяйства и образования, зато, верят они, будет построена новая, более эффективная и отвечающая современным реалиям система. Ну да, реалиям западного и американского общества, однако, такова современность, — утверждают авторы доклада. В соответствии с этими непосредственными убеждениями и реформируется российская экономика и институты. В том числе и образование. ЕГЭ, бакалавриат и магистратура, федеральные, национальные, исследовательские и предпринимательские университеты, сокращение и укрупнение университетов и институтов, ориентация на программирование, исследование и проектирование, на знания и познание и др. Предполагается (прежде всего, западными предпринимателями, но и нашими реформаторами образования), что российский выпускник, получив подобное образование, сможет хорошо вписаться в западное производство. Таким образом, получается, что современная реформа российского образования работает, главным образом, на заграницу. В противоположность этому можно сформулировать следующее положение.

Нужно работать не на западный тип социальной структуры, а создавать условия для социального и культурного возрождения нашей страны. Образование должно быть ориентировано социально, и обеспечивать развитие, позволяющего сохранить нашу страну как социальный и культурный организм, хотя и участвующий в мировом разделении труда, но исходя из собственных интересов и целей.

Означает ли различие российского и западного опыта и условий, что все приходится создавать заново, и в этом смысле идти по пути догоняющей модернизации? Во все нет. На российской почве нельзя создать западные производственные структуры и социальные организмы, работающие так же, как у них. Стратегия должна быть другая. Не уничтожать то, что веками или десятилетиями складывалось, и затем на развалинах создавать монстров, внешне похожих на успешные западные предприятия и университеты, а на самом деле работающих по старинке. Нужно *внутри российских производственных коллективов и университетов выращивать инициативные группы, которые бы начали процесс преобразования*. Эти преобразования должны строиться на основе анализа, в том числе и западного опыта, но и отечественного. Они должны

учитывать *возможности людей к изменениям*, при одновременном понимании, что на эти возможности можно влиять.

Одновременно указанная ориентация не означает особый российский путь развития страны и образования. Образование, работающее на российскую культуру и социальность, безусловно, должно учитывать общецивилизационные тренды. В первую очередь, четыре основные: *формирование нового ведущего типа социальности, различие потребностей в образовании для разных социальных субъектов, конкуренцию с образованием других институтов* (СМИ, Интернет, корпоративные исследовательские, инжиниринговые учебные центры, бизнес в сфере образования и культуры; социальные сети и неформальные сообщества и др.), становление «очагов новой педагогики» («педагогического отношения» нового типа). Рассмотрим первый момент подробнее, вернемся для этого еще раз к новому эгоизму и либерально-демократическим институтам.

Особенности и становление ведущего типа социальности

Экономист, журналист и обозреватель «Новой газеты» и радиостанции «Эхо Москвы» Ю. Латынина в ряде своих публикациях обсуждает следующую ситуацию: в мире и в том числе в России миллионы людей не работают и живут за счет государства или благотворительных организаций (в нашей стране по разным подсчетам таких людей от 8 до 10 миллионов). С точки зрения Латыниной, это следствие действия либеральной доктрины и кризиса современного государства. В России, показывает она, к этому добавляется страх властной элиты перед народом, распространение насилия как способа решения социальных проблем, крайняя неэффективность государства. И конечно, такое положение дел, с точки зрения, Латыниной, — явная социальная несправедливость. Как тут не вспомнить К. Маркса, считавшего, несправедливым капиталистическое общество, поскольку капиталисты, владеющие частной собственностью и средствами производства, крадут у рабочих значительную часть создаваемой ими прибавочной стоимости. При этом, очевидно, к своему удивлению, он показывает в «Капитале», что капиталисты, действующие предельно эгоистично, на самом деле остаются, как сегодня говорят, в правовом поле.

« Мы видим, — пишет Маркс, — что если не считать весьма растяжимых границ рабочего дня, то природа товарного обмена сама не устанавливает никаких границ для рабочего дня, а следовательно и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара (труда рабочего. — В.Р.) обуславливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антиномия, **право противопоставляется праву**, причем они в **равной мере санкционируются законом товарооборота**. При столкновении двух равных прав решает сила»¹⁸ (выделение наше).

Но ведь тогда получается, что социальная несправедливость — это особая абстрактная оценка, полученная с позиции определенных идеалов общества и человека (гуманистических, либеральных и пр.), а сами участники социального процесса могут к этому и не присоединяться. Другое дело, если присоединяются, но, как показала история, подобные убеждения, например, вера в порочную античеловеческую природу капитализма, могут

¹⁸ Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1978. С. 246. Интересно, обнаружив в исследовании, что исходные постулаты (о краже, несправедливости, частной собственности) не верны, Маркс не стал их пересматривать. Спрашивается почему? Не потому ли, что не считал нужным прислушиваться к мнению общества, встав только на сторону пролетариата. А также, не потому ли, что ощущал себя социальным инженером, который должен и может переделать жизнь людей. Еще одно соображение. Последняя фраза в приведенной цитате знаменательна! С одной стороны, она есть констатация реального развития событий в период первоначального накопления и дальше (борьбы за пределы рабочего дня и приемлемые условия труда), с другой — известного убеждения Маркса, что борьба классов — движущая пружина социальной истории. Однако дальнейшая история капитализма показала, что хотя сила, действительно, важный фактор, наряду с ней есть и другие — общество, право, новые производственные и технологические возможности, позволяющие поднять уровень значительной части трудящихся, эволюция новоевропейской личности, пошедшей на компромисс и большую законность. Кстати, если обратиться к нашей стране, то сегодня на каждом шагу мы видим, как право противостоит праву и в ход пускается сила. Видя это, реформатор невольно впадает в уныние. И напрасно, история показывает, что сила только один из факторов этого сложного процесса.

вести к очень печальным социальным последствиям. Посмотрим на ситуацию, которую разбирает Маркс, с точки зрения современного экономического кризиса. Тогда она выглядит следующим образом. Капиталисты изобрели социальную технологию, позволяющую получать сверхприбыль. Рабочие противопоставили этой технологии забастовки, критику капитализма, политические действия, кстати, тоже представляющие собой социальное изобретение и технологию. В результате не сразу, но, тем не менее, обе стороны социального конфликта пошли на компромисс (который опять же предполагал новые социальные технологии), и было достигнуто относительно мирное сосуществование.

Нельзя ли и на современную ситуацию посмотреть сходным образом? Новый эгоизм, конечно, налицо. Но можно ли в этом обвинять современную личность или властную элиту? Поступает ли, например, чиновник несправедливо, когда он занимается рентостроительством? Он изобрел и реализует новую социальную технологию, позволяющую ему увеличить свою власть и благосостояние. С точки зрения абстрактных этических принципов, и, заметим, отчасти, трудового соглашения, он, конечно, поступает нехорошо. Но с точки зрения возникших возможностей и опять же отчасти существующих законов, он остается в правовом поле. Право чиновника как человека, не нарушая законов, расширять свои возможности и благосостояние¹⁹. Право граждан, поставившего чиновника на службу обществу (правда, поставившего опосредованно, через выборы и государство), требовать от него, не рентостроительство, а добросовестное выполнение своих функций. Если на социальном поле всего два субъекта, то явно конфликт.

Но вспомним то, что не учитывал и отчасти не признавал Маркс — *культуру, общество и личность*. Культура как соотношение традиции и новаторства создает условия для тех или иных действий и изменений. Например, российская традиция веками «ставившая чиновника на кормление» не способствует борьбе с ренто-

строительством; та же традиция как новаторство и следование Европе иногда ведет к расправе с рентостроителями. Общество в целом заинтересовано в борьбе с рентостроительством, но отдельные сообщества часто нет. Например, наша властная элита и бюрократия (чиновники) не только не хотят бороться с рентостроительством, но напротив, широко его практикуют. Что касается личности, здесь, что ни индивид, то свое решение.

В общем же случае история показывает, что эгоизм, высвобожденный развитием культуры, социальными изобретениями и новыми технологиями (поэтому каждый раз новый), рано или поздно преодолевается именно усилиями основных социальных субъектов, действующих на социальном поле. В настоящее время эгоизм преодолевается не способом построения либеральных институтов, что было характерно для XVII-XVIII вв. и не путем построения демократических институтов (XIX-XX вв.), а *посредством переговоров, расчетов и компромиссов*.

Скажем, наши властные элиты, может быть, и хотели бы забирать себе все, но вынуждены отдавать населению столько, сколько необходимо, чтобы оно голосовало «за» и не взбунтовалось. В этой связи любопытное интервью дал философ Валерий Подорога. «Нынешний, объявленный “диалог с властью”, — говорит он, — начинает звучать несколькими странными обертонами. А, собственно, зачем власти вступать в диалог с гражданским обществом, к тому же если она полагает, что его как бы нет, что его будто еще надо построить? Почему искать диалога с этими слабыми гражданскими союзами, которые не могут оказать ни на что какого-либо существенного влияния? <...> Идея “равноправного” диалога говорит лишь о поразительной гипертрофии функций власти в современном российском обществе. Власть (в лице ее отдельных функционеров) нисходит до гражданского общества, словно демонстрируя его бессилие и неспособность быть равноправным участником диалога. И это надо признать (чтобы не создавать себе ложных иллюзий). А раз дело обстоит именно так, то неплохо понять, что хочет эта власть, которая вольно-невольно берет на себя и общественно-гражданские функции, стимулируя чуть живое “гражданское общество” (финансовыми и другими льготами; кстати, право их распределения тоже узурпировано властью). Если гражданин уязвим, то власть неуязвима. А как вы знаете, вопрос об уязвимости власти (со стороны общества и гражданских институтов) является условием

¹⁹ Как обычный человек я, конечно, на стороне Латыниной и меня возмущает, если не больше, поведение нашей власти и бюрократов. Но как ученый и философ я должен следовать за дискурсом, спокойно смотря на то, что проявляется в результате анализа. Однако, как человек действия и определенных идеалов я дальше, поняв реальность, могу обдумывать свои действия, направленные на изменения сложившейся ситуации. Но опять же анализируя их последствия.

легитимизации власти<...> сегодня власть, отказавшись от поиска партнеров и консолидировав применение силы в некоторых направлениях, вернула себе контроль фактически над всеми природными, финансовыми и прочими ресурсами страны, превратилась в нечто вроде благотворительного фонда. Избыток силы порождает чувство милости к падшим. Объявлен Фонд кремлевской политики. И вот по развертыванию этой цепи мы видим, как переформируется, вероятно, почти бессознательно, собственный образ власти. Это действительно всенародный национальный Фонд, который отпускает средства на выживание граждан некой известной всем страны. Высшие чиновники как сотрудники Фонда (включая, разумеется, президента). По принятию решений можно судить об эффективности политики этого Фонда (власти) <...> Фонд виртуализирует свою политику, поскольку его главная задача состоит в том, чтобы граждане не умерли с голоду, от болезней и не погибли бы в техногенных катастрофах. Иронизировать над этой стороной деятельности Фонда было бы неверно<...> О чем же говорит подобная фондация власти, да о том, что власть становится все более народной властью и все более (через становящуюся харизму Путина как президента) приобретает черты "гражданственности", подменяя собой развитие гражданского общества как критика и контролера власти»²⁰.

Анализ показывает, что конфликты основных социальных субъектов разрешаются путем установления баланса и противодействия разных сил. Существенную роль здесь играют эгоистические устремления социальных субъектов, расчеты своего рода «разумного эгоизма», культурные факторы, обсуждения и умонастроения в обществе²¹, активность и пассионарность отдельных сообществ, предпочтения и поступки отдельной личности, наконец, изобретение новых социальных технологий (союзы, компромиссы, переговоры, реформы и прочее)²². В результате и устанав-

ливается то, что я выше назвал «ведущим типом социальности»²³.

При этом, вероятно, понятно, что поскольку на разных «социальных плацдармах» действуют и конфликтуют различные социальные субъекты, установленные балансы и противодействия разных сил отражают эти уникальные ситуации и конфигурации. Другими словами, ведущий тип социальности демонстрирует множество разных уникальных конфигураций и структур. В наш динамичный век подключение к социальному взаимодействию новых субъектов или изменение социальных условий приводит к тому, что данные конфигурации и структуры неустойчивы и живут относительно ограниченное время. Это начинают понимать даже защитники либерализма.

«Быть и стать самим собой, — пишет С. Бенхабиб, — значит включить себя в сети обсуждения<...> Мультикультурализм слишком часто увязает в бесплодных попытках выделить один нарратив как наиболее существенный<...> Мультикультуралист сопротивляется восприятию культур как внутренне расщепленных и оспариваемых. Это переносится и на видение им личностей, которые рассматриваются затем как в равной мере унифицированные и гармоничные существа с особым культурным центром. Я же, напротив, считаю индивидуальность уникальным и хрупким достижением личности, полученным в результате сплетения воедино конфликтующих между собой нарративов и привязанностей в уникальной истории жизни<...> Трактовка культур как герметически запечатанных, подчиненных собственной внутренней логике данностей несостоятельна<...> Культурные оценки могут переходить от поколения к поколению только в результате творческого и живого участия и вновь обретаемой ими значимости»²⁴.

Стоит отметить еще один важный аспект нового ведущего типа социальности, который, несомненно, нужно учитывать при обсуждении современного образования. Мы не случайно взяли для анализа ситуацию, которую обсуждает Латынина. В современной цивилизации многие

²⁰ <http://index.gdf.ru/zournal/cont16.html>.

²¹ Например, в настоящее время в России общество просыпается и начинает активно обсуждать сложившуюся социальность. И не только обсуждать, но и действовать.

²² «Глобальную цивилизацию, в которой примут участие граждане мира, — пишет Сейла Бенхабиб, — нужно будет возвращать из местных привязанностей; из содержательных культурных споров; из переосмысления "нашей" идентичности; из привычки к демократическому экспериментированию с устройством и переустройством институтов» (Бен-

хабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. 220).

²³ Этот тип социальности в настоящее время только складывается. Пока еще бал заказывают старые типы социальности, но они уже не правят единолично.

²⁴ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. 17, 19, 43, 122.

миллионы неработающих (безработных, беженцев, больных, просто не желающих трудиться) и не меньше работающих не полный рабочий день или только эпизодически — не простое недоразумение, не досадная недоработка хорошо выстроенного здания капитализма или социализма, а постоянно действующая закономерность, значение которой, судя по всему, будет возрастать. Общество готово идти на компромисс, обеспечивая терпимую, а иногда и вполне удовлетворительную по современным меркам жизнь всех этих миллионов (а в перспективе, может быть, одного или двух миллиардов) в обмен на социальный мир.

Подобная ситуация стала возможной и даже необходимой в силу эффективности современных технологий и производства; в будущем развитие робототехники сделает эту проблему еще более острой. В относительно близкой перспективе для производства товаров и питания нужно будет все меньше специалистов, их с успехом заменят машины, автоматические линии и роботы.

Изменяются и взаимоотношения между государством, обществом (а также сообществами), бизнесом и личностью в плане перераспределения социальных функций. Яркие примеры, благотворительность, некоммерческие общественные организации (НКО), волонтерское движение, фандрайзинг²⁵ (назовем подобные сообщества «иницирующими»). Во всех этих случаях функции, которые раньше выполняло государство и его институты, берут на себя отдельные личности или сообщества, действующие исходя из собственных идеалов и представлений, а не институциональных или организационных требований.

Опять же это стало возможным не только потому, что у людей появилось много свободного времени и приходят свободные средства, но и потому, что государство неудовлетворительно выполняет свои функции, а граждане видят свое назначение в работе на благо общества, в помощи тем, кто нуждается. Понятно, что неработающие или работающие частично будут пополнять ряды перечисленных выше иницирующих сообществ.

Поставим теперь такой вопрос: в каком образовании сегодня нуждаются основные социальные субъекты нового становящегося типа социальности

²⁵ Фандрайзинг, иногда фандрейзинг (от англ. Fundraising) — процесс привлечения денежных средств и иных ресурсов (человеческих, материальных, информационных и т.д.), которые организация не может обеспечить самостоятельно и которые являются необходимыми для реализации определенного проекта или своей деятельности в целом.

(т.е. государство, общество и сообщества, бизнес, работающее и неработающее население, иницирующее сообщества, личность), а также сами педагоги. Государство в плане образования должно создать условия для: 1) всеобщего образования граждан, позволяющие им жить, даже не работая, в современном мире (языковая и ментальная грамотность, базовые элементарные компетенции, способности в плане дальнейшего образования) и 2) подготовки специалистов, которые бы работали в основных системах жизнеобеспечения государства (управлении, армии, сферах социального обеспечения и здравоохранения, культуры и т.д.). Поскольку остальные перечисленные здесь социальные субъекты частично берут на себя решение тех же задач, государство, с одной стороны, вынуждено повышать эффективность своей деятельности, с другой — вести с ними переговоры по перераспределению образовательных функций и компетенций.

Общество, в отличие от государства, заинтересовано в создании условий для становления правильной современной личности и институтов гражданского общества. Вряд ли общество само должно кого-то образовывать. В свое время государство для того и было создано, чтобы профессионально и оперативно выполнять решения общества (другое дело, что, получив власть, правящие элиты часто забывают, кто и для чего их поставил). Но общество, безусловно, должно оказывать влияние на государство и школу, склоняя их принимать нужные решения, т.е. работающие на общее благо и человека. Другое дело, отдельные сообщества, например, властные элиты, профессиональные сообщества, религиозные или эзотерические общества, иницирующие сообщества. Они не могут не готовить для себя образованных современных специалистов. Готовить в двух отношениях: компетентных, с одной стороны, в деятельности, с другой — в общении, т.е. способных органически входить в соответствующее сообщество. Практика показывает, что сообщества могут как заказывать будущих специалистов у государства, так и готовить их самостоятельно.

Бизнес, конечно, тоже может воспользоваться образованными специалистами, которых подготовило государство, но, как правило, их подготовка недостаточно учитывает особенности предпринимательской (более широко, хозяйственной) деятельности. Поэтому фирмы и корпорации часто предпочитают самостоятельно выращивать, дообразовывать, обучать и специализировать в нужном направлении своих сотрудников.

Неработающее население и личность заказывают такое образование, которое они хотят получить.

Прежде чем охарактеризовать потребность в образовании для самих педагогов, обратим внимание, насколько требования к образованию для перечисленных субъектов отличаются от традиционных. Раньше, как правило, эти требования в основном были *функциональными* (и в докладе сибирских авторов та же картина), они задавались относительно функций производства и других систем социального жизнеобеспечения. В настоящее время наряду с функциональными требованиями (например, подготовить специалистов для государства и бизнеса), выдвигаются требования иного рода — соответствующие или *общественным идеалам или желаниям разных сообществ, неработающего населения и личности*. Теперь педагогическое сообщество. Оно, как и любое сообщество, нуждается в образованных современных специалистах.

Но у педагогов есть своя миссия — не только готовить компетентных специалистов, но и обеспечивать социализацию человека. В последнем случае опять двойная обусловленность: функциональные требования к человеку и желание реализовать определенный антропологический идеал. Причем то и другое в конкретных условиях современной социальности. Иначе говоря, педагог не может не учитывать современные типы социализации, не работать на социальность. Но может ли он выполнить свое назначение, не покидая традиционную «педагогическую колею», не пересматривая сложившиеся представления, не работая над собой? Вряд ли.

Центральной позицией педагога становится не управление и формирование, а позиция, предполагающая *сопровождение личности, стимулирование и озадачивание её, подсказки и помощь, организация условий и пространства для активности и творчества учащегося, совместный поиск решений, демонстрация собственной позиции и работы, готовность вместе с учащимися обсуждать проблемы* и ряд других моментов, лежащих в рамках той же действительности.

Педагогу лучше осознавать себя не как учителя (обучающего), а как проводника в современном сложном мире, как своего рода «сталкера», как «социальное тело» учащегося, как будирующего и инициирующего его активность и творчество.

Современное образование предполагает, что учащиеся начинают размышлять и мыслить, обучаться, создавать схемы и модели, действовать коллективно и самостоятельно, осознавать себя и свою деятельность, направлять себя, стараться жить правильно и многое другое, необходимое для жизни и деятельности в современном мире. Но это означает, что содержанием образования не могут выступать только знания и деятельность.

Если мы сегодня отказываемся от трактовки учебных содержаний как знаний, то, что собой должны представлять учебные содержания? Представители Московского методологического кружка и авторы доклада утверждают, что на смену педагогике знаний должна прийти педагогика деятельности. Что здесь меняется? Делается акцент на активности учащегося, его творчестве и самодеятельности. Это, действительно, сдвиг, происходящий во многих современных системах педагоги в течение второй половины XX столетия. Он знаменует собой переход от второй модели педагогических отношений к третьей.

Но почему только деятельность? А мышление, коллективная работа и творчество, новое видение, умение критически размышлять, идти на компромиссы или, наоборот, отстаивать и проводить свою позицию, замышлять и реализовать свои замыслы, строить схемы и модели и т.д. и т.п. Мои исследования и педагогическая работа показывают, что деятельность — это тоже промежуточный этап и станция в процессе перехода к новым педагогическим отношениям. Для последних более характерны следующие моменты.

- Ориентация образования и педагогической деятельности на формирующийся ведущий тип социальности.
- Различение индивидуальной и коллективных форм работы, а также субъекта и личности. Именно личность образует антропологическую целостность, поскольку она действует самостоятельно и выстраивает свою жизнь. Но только коллективные формы работы обеспечивают правильную социализацию индивида и современное мышление. Правильный путь — диалектика становления в образовании личности и разных форм коллективной работы и деятельности.
- Ведущей позицией педагога становится не управление и формирование, а позиция, предполагающая *сопровождение личности, стимулирование и озадачивание её, подсказки и помощь, организация условий и про-*

странства для активности и творчества учащегося, совместный поиск решений, демонстрация собственной позиции и работы, готовность вместе с учащимися обсуждать проблемы и ряд других моментов, лежащих в рамках той же действительности.

- Педагогу лучше осознавать себя не как учителя (обучающего), а как проводника в современном сложном мире, как своего рода «сталкера», как «социальное тело» учащегося, как будирующего и инициирующего его активность и творчество.
- Современное образование предполагает, что учащиеся начинают размышлять и мыслить, обучаться, создавать схемы и модели, действо-

вать коллективно и самостоятельно, осознавать себя и свою деятельность, направлять себя, стараться жить правильно и многое другое, необходимое для жизни и деятельности в современном мире. Но это означает, что содержанием образования не могут выступать только знания и деятельность.

- Содержание образования будет различаться относительно разных педагогических практик и разных типов социальности. Поэтому его нельзя в общем виде категориально охарактеризовать. Содержание образования должно нащупываться и проектироваться в конкретных педагогических практиках и ситуациях.

Список литературы:

1. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование — 2030. Аналитический доклад. Центр стратегических исследований и разработок Сибирского федерального университета. Красноярск, 2012.
2. Багдасарьян Н.Г. Высшая школа в пространстве культуры (социология и философия проблемы). М.: изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1996.
3. Мирзоев С.Б. Институциональная коррупция (февраль 2011 г.) [электронный ресурс] // <http://www.fondgp.ru/lib/seminars/2010-2011/institut/6>.
4. Боглаев В. Россия обязана отстаивать свое право на производство и развитие [электронный ресурс] // <http://www.chlmz.ru/modules/news/article.php?storyid=65>.
5. Беляев В.А. Философия управления между теорией менеджмента и философией культуры. М., 2012.
6. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // *Общественные науки и современность*. 2001. № 5.
7. Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1978.
8. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003.

References (transliteration):

1. Budushchee vysshey shkoly v Rossii: ekspertnyy vzglyad. Forsayt-issledovanie — 2030. Analiticheskiy doklad. Tsentr strategicheskikh issledovaniy i razrabotok Sibirskogo federal'nogo universiteta. Krasnoyarsk, 2012.
2. Bagdasar'yan N.G. Vysshaya shkola v prostranstve kul'tury (sotsiologiya i filosofiya problemy). M.: izd-vo MGTU im. N.E. Baumana, 1996.
3. Mirzoev S.B. Institutsional'naya korruptsiya (fevral' 2011 g.) [elektronnyy resurs] // <http://www.fondgp.ru/lib/seminars/2010-2011/institut/6>.
4. Boglaev V. Rossiya obyazana otstoyat' svoe pravo na proizvodstvo i razvitie [elektronnyy resurs] // <http://www.chlmz.ru/modules/news/article.php?storyid=65>.
5. Belyaev V.A. Filosofiya upravleniya mezhdru teoriey menedzhmenta i filosofiey kul'tury. M., 2012.
6. Zaslavskaya T.I., Shabanova M.A. Sotsial'nye mekhanizmy transformatsii nepravovykh praktik // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2001. № 5.
7. Marks K. Kapital. T. 1. M., 1978.
8. Benkhabib S. Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nuyu eru. M., 2003.